

«Полезнейшее введение в проблему великого Раскола XVII века и его последствий. Раскола не только церковного, но и общенародного».

НИКОЛАЙ ДОСТАЛЬ,
кинорежиссер, создатель
сериала «Раскол»

СТАРООБРЯДЦЫ ДРУГИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ

А Л Е К С Е Й М У Р А В Ь Е В

Религия. Старообрядчество

Алексей Муравьев

**Старообрядцы.
Другие православные**

2021

УДК 271.2(470)
ББК 86.372

Муравьев А. В.

Старообрядцы. Другие православные / А. В. Муравьев —
2021 — (Религия. Старообрядчество)

ISBN 978-5-04-158930-1

Эта книга возникла как продолжение разговоров с самыми разными людьми о старообрядцах, о Церкви, об истории и о судьбе России. Старообрядцы своим существованием напоминают: Раскол не исцелен, ответы на главные вопросы не даны, успокаиваться нельзя, надо иметь смелость пойти до конца. Кажется, только так можно смотреть в будущее нашей страны и нашего народа. Автор рисует общую картину истории и культурной жизни старообрядцев, объясняет принципы их веры и разбирает основные мифы о старообрядцах, укоренившиеся в массовом сознании. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 271.2(470)
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-158930-1

© Муравьев А. В., 2021

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	7
Отказ от «герменевтической камеры»	8
Координаты русской культуры	10
Спор иосифлян и нестяжателей и государственный террор	11
Грозного	
Смута	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Муравьев

Старообрядцы. Другие православные

В оформлении переплета использовано изображение с открытки «Типы раскольников поморцев д. Карельской».

Фото М. Дмитриева, Нижний Новгород, начало XX века.

© Муравьев Алексей Владимирович, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

Эта книга возникла как продолжение разговоров с самыми разными людьми о старообрядцах, о Церкви, об истории и о судьбе России. Старообрядцы своим существованием напоминают: Раскол не исцелен, ответы на главные вопросы не даны, успокаиваться нельзя, надо иметь смелость пойти до конца. Кажется, только так можно смотреть в будущее нашей страны и нашего народа.

Тем более что и с православием у нас далеко не все в порядке. Массовый отход общества от новообрядной церкви в XIX–XX вв – не только заслуга революционеров и марксистов. Раскол нарушил органическое единство, разобщил и ослабил русское православие. Пытаясь компенсировать свою немощь государственной мощью, оно только усугубляет болезнь. Смелость признать разделенность и немощь важнее, что показная мощь и натужное бодрчество. Способность трезво взглянуть на свое духовное состояние – полезная вещь.

В этой книге собраны помимо прочего разные мифы о старообрядчестве: от самых глупых до довольно сложных. Миф – это не просто байка, это базовая структура общественного сознания. Разбирая и анализируя эти мифы, мы обогащаем и углубляем наше собственное мировоззрение.

Благодарю тех коллег и друзей, разговоры с которыми очень помогли думать и рассказывать о старообрядчестве: А. В. Антонова, протоиерея Евгения Чунина, иерея Алексея Лопатина, С. Г. Вургафта, Д. А. Урушева, Б.А. Кисельникова, А. Безгодова, А.В. Езерова и Р. Майорова и многих других.

Глава первая

Русский раскол. Появление двух русских православий

События, произошедшие в XVII веке, драматическим образом отразились на истории России, и мы продолжаем жить в их тени. Однако о той мрачной драме мы вспоминаем на удивление редко. В чем причина этой нашей забывчивости? Только ли в том, что ужасные и трагические события XX века полностью заслонили от нас более раннее прошлое?

Причина в том, что мы до сих пор не умеем об этом говорить. За прошедшие триста лет поменялись язык, культура, летосчисление, политическая реальность – но не появилось (или кажется, что не появилось) новой формы разговора о расколе XVII века. Да, мы научились говорить на языке мультикультурализма, толерантности, полицентричности, умеем строить нелинейные модели, но до сих пор наш разговор о событиях великого раскола идет в *терминах ересеологов III–IV вв.*, которые изобрели христианскую этнографию.

Тодд Берзон, исследователь ересеологической литературы поздней Античности, привлек внимание к интересному явлению: стигматизации той или иной группы, приводящей к ее определению как «ереси». В ходе этой стигматизации «еретичность» постепенно утрачивает смысл, а на ее месте появляется этнография. Люди сначала считают диссидентов «еретиками», а их потомки уже считают их особым этносом или его разновидностью. Черта проводится сначала между разными идеями, а потом создается как черта между народами. Так произошло со старообрядцами. Само слово «старообрядец» (а тем паче «раскольник») – часть языка ненависти, сперва рядившейся в одежды догматики или канонического права, а затем сменившейся равнодушным интересом этнографа. Но за этой этнографией скрывается драматическое явление раскола народа и появление двух разных православий в России.

Как же произошло появление двух альтернативных православий? И как возник этот язык ненависти?

Отказ от «герменевтической камеры»

Отказаться от этого языка ненависти трудно, поэтому его и вертят, – каждый на свой лад. Думаю, эти попытки следует прекратить, если мы хотим разобраться для начала в XVII веке. Попробуем описать, что произошло, не привлекая этого языка, не употребляя слов «ересь», «еретики», «раскольники». Одновременно придется отказаться от ряда привычных понятий, которые мы впитали едва ли не с молоком матери. Это нужно для того, чтобы объяснить, как так вышло, что в нашей истории и культуре духовная сфера, связующая нас с византийским православием, получила разрыв в самом чувствительном месте. Это место – древнерусская культура, наследие Древней Руси. С моей точки зрения, в XVII веке произошел отказ от этого наследия. Точнее говоря, отказались от интерпретационного механизма, полученного от предков «устройства», позволяющего нам «подключиться» к Древней Руси, а через нее – к Византии. Византийское преемство – очень дискуссионная и сложная тема. За XVIII–XIX века к Византии обращались не раз и не два, да и в наше время тяготеют к ней снова. Священники обрядились в греческие фески и тужурки, хоры запели «Агни Парфене», стало модно учить греческий. Но современное греческое православие при всем желании не может «подключить» нас к Византии. Самое главное – мы не понимаем: а зачем нам вообще к ней подключаться? Более того, уже выросли поколения русских людей, считающих это наследие не только не нужным, но и вообще бесполезным. Впрочем, культуры живут, только если связаны с корнями, – а без корней умирают. И мы, отрицая эти связи, по сути, придумываем себе другие корни.

И система этих других корней пронизала всю культуру. От нее не так просто абстрагироваться. Нужна революция почище современной информационной. Петр I, создатель современной России, приучил русских людей смотреть на Европу как на свою родину, как на «место силы». Такой взгляд не историчен – но он конструктивен. Он тоталитарен и неорганичен – но он врос в нас, поэтому от него невозможно избавиться. Будем исходить из того, что без утраты способности строить рациональное объяснение нашей истории мы не сможем отказаться от наследия петровской эпохи. А без рационального объяснения истории и без рассуждения о прошлом, основанного на критике, нам остаются только песни. Аэдов хватает сейчас и без нас, а петь патриотические песни в угоду князьям – не дело ученых.

Я предлагаю вам вместе со мной принять такую форму объяснения того, что произошло в XVII веке: Россия в лице своей верховной и церковной власти отказалась от древнерусского наследия. Но от всего ли – и в какой форме? Очевидно, что не от всего: часть этого наследия используется и донныне. Это касается прежде всего языка и элементов символического кода культуры. Но поменялись смысл и форма связи с этим наследием. Вместо прямой связи возникла декларативная идея преемства, а также решено было оставить некоторые символы (симулякры). Но самое главное – *исчезла «герменевтическая камера»*. Что это такое?

Так мы будем называть культурный механизм, позволяющий понимать прошлое как часть нашей идентичности. На протяжении столетий, с X по XVII века, роль этой камеры играла общеславянская церковно-народная культура. Именно она была ответственна за восприятие и усвоение внешних культурных и социально-политических форм. Попадая в эту герменевтическую камеру, эти формы (обычай, тексты, формулы) получали языковую и культурную оболочку, позволяющую вносить их в русскую культуру. При этом явления чуждой культуры нередко изменялись и даже деформировались, но так уж работает эта камера. Переоформление, перекодировка создавали национальную культурную сферу, в которой различные люди могли говорить на одном языке. Проще говоря, *национальная форма культуры есть результат особой перекодировки заимствований*. И вот, такую «камеру» демонтировали, точнее говоря, сначала пытались докрутить ее, поменять в ней интерпретаторы, отчего вся система

сначала засбоила, а затем пошла вразнос. Тогда от нее отказались вовсе, по русской привычке не чинить, а выбрасывать. Это герменевтическую камеру сбросили, как ненужный балласт.

Теперь мы подходим к основе нашей истории. Русским расколом мы предлагаем называть тот этап отказа от связи с византийским прошлым России, когда из-за смены кодов вся жизнь российского народа пошла вразнос и стала генерировать противоречивые, а порой даже абсурдные команды. Причина, повторим, была в попытке сменить герменевтические коды культуры. Этими кодами в русской культуре, как и в любой средневековой, была церковная жизнь в широком смысле: обряды, быт, обычаи. Эта культура сложилась в Московской Руси, отделенной от Руси Южной и Юго-Западной, и, конечно, была «национально ограниченной» с сильными элементами изоляционизма, – но такими были все культуры на выходе из Средневековья в Новое время.

Координаты русской культуры

Таковыми были и почти все национальные культуры христианского Востока. Русская культура – именно такая, какими и начинается XVI век. Иногда Москву по недоразумению считали Третьим Римом, а то и напрямую наследницей Византии. Но она не была ни тем, ни другим. Возникнув как запасной аэродром Византии, попавшей в непростую ситуацию стратегического отступления перед турками, славянский мир постепенно обрел самостоятельность. Но в силу политических обстоятельств только Русь смогла обзавестись государственностью такого типа, которая обезопасила ее от угрозы как от Турции, так и с Запада. И церковная жизнь, основа православия, постепенно стала тем механизмом, герменевтической камерой, которая прилежно фильтровала все, что в нее попадало. Итак, подведем итог. В XVI веке Россия оказалась на перепутье: Византии больше не было (уже 50 лет как), на ее месте была Османская империя, с которой Россия вступила в длительную войну, которая продолжалась с перерывами до конца XX века. Православные круги района Фанар в Константинополе и вообще балканских стран стали смотреть на Россию с надеждой. Они очень хотели вернуть назад если не Византию, то по крайней мере какое-то православное государство-гегемон. В Московской Руси поневоле пришлось «делать вид», что она и есть Византия. Разумеется, это было не совсем так, точнее, совсем не так. Но *noblesse oblige*. Начались поиски того, как бы это сделать, но ничего нового, кроме как сблизиться с Польшей или Германией, старыми противниками Турции, не придумывалось. То ли не хватало креатива, то ли опыта, но в этой ситуации вызова, если говорить языком Тойнби, Россия растерялась. Причины этой растерянности – в серии нарушений культурного кода, произошедших по вполне объективным причинам. Названия этих нарушений – иосифлянский спор, опричный террор и Смута.

Спор иосифлян и нестяжателей и государственный террор Грозного

В конце XV в. Русь потрясли два спора: Церкви и движения жидовствующих, а затем – спор иосифлян с нестяжателями. И если первый спор имел вполне понятные позиции сторон и, несмотря на широкое распространение идей жидовствующих, не оказал глубокого влияния на умонастроения масс, то второй спор был куда более существенным. Иосифа Волоцкого и Нила Сорского с Вассианом Патрикеевым разделяли некоторые фундаментальные представления. Для преподобного Нила действовала исихастская, отшельническая парадигма, в которой человек предстоит перед Богом сам, в силу своей ответственности и молитвы. Самоосуждение еретика и «градские казни» к ним применять не следует. Монастыри не следует превращать в агрохолдинги: задача обителей – в приюте для монахов и богомольцев. Светская власть, по мнению «заволжцев», должна была слушать голос Церкви как голос совести, но отношения человека и властей определяли послушание и вера. Иосифляне стали выступать с государственнической позиции, они считали крупное землевладение монастырей нормой, а неповиновение властям – грехом. В 1503 г. Собор иосифлян принял решение о поддержке «градских казней» против еретиков. Именно на этой традиции и держались потом никонианские гонения против старой веры. На судах против нестяжателей выдвигали аргументы государственной пользы, и в 1531 г. Вассиан Патрикеев и с ним греческий монах Максим Триволис (Максим Грек) были осуждены, а имя преп. Нила постепенно становится нежелательным в победившей церковной традиции. Именно Максиму Греку принадлежит апология двуперстия и некоторые аскетические сочинения. Вообще осуждение нестяжателей и победа иосифлян оказалась трагическим поворотом: во имя государственной Церкви стали гнать народную аскезу, видных игуменов отрешали от настоятельства, да и роль монастырей стала уменьшаться. Как видно из «Прения с Иосифом Волоцким» и других документов этого спора, исследованных А. Плигузовым, именно тогда появилась в классификациях новая категория врагов православия – «отступники». Иосиф Волоцкий и писатели его круга считали их хуже еретиков. Таких можно только уничтожать. После решения о казни еретиков и разгрома нестяжателей путь был недалек и до разгрома Грозным всех монастырских владений после краткого царствования Симеона Бекбулатовича.

Этот спор поставил под вопрос главное обоснование церковной правды – аскетизм. И потом уже, во времена террора Иоанна Грозного, аскета-митрополита Филиппа царь спокойно убрал с дороги, провозгласив себя «игуменом Русской земли». В споре был подорван и авторитет монастырей Русского Севера, и заодно – авторитет византийской старины. Осуждение Максима Грека вкупе с нестяжателями показало, что никакие апелляции к византийской и святоотеческой старине – не указ властям, если они примут чью-то сторону и решат использовать церковные вопросы в своих интересах. Конечно, в первый период своей деятельности молодой Иоанн Васильевич слушался своих советников и даже почти вышел на дорогу исправления ситуации в государстве, но все внезапно повернулось в сторону совершенно обратную и трагическую.

Причины, по которым царь Иоанн Васильевич вдруг стал из прогрессивного и патриотичного царя-собирателя мрачным фанатиком-безумцем, более или менее ясны. Ливонская война, вызвавшая к жизни новгородский вопрос, начало многовекового противостояния с Османской державой, тяжелое наследие церковного раздора иосифлян и нестяжателей, наконец, вероятное психическое нездоровье самого царя... Парадокс правления Грозного-царя в том, что первую половину его царствования старoverы очень чтут, а от второй пострадало множество людей и косвенно – сами старoverы через сто лет.

Как известно, в 1565 г. царь порвал с «Избранной радой», отправил в отставку Адашева и Сильвестра и объявил о введении особого режима для части страны – опричнины. Объявив себя «игуменом», царь перестал слушать митрополита Филиппа, учредил нечто вроде своей парацерковной организации опричников и погрузился в смакование террора. Казни следовали за казнями, верхушка общества была объята страхом, народ, вероятно, не очень понимал, что происходит, но сочувствовал борьбе с боярами – «хорошо богатых потрепать». На границах шла война, экспедиции шли на восток, поэтому мероприятия Грозного и его истерические метания между Александровой слободой, Кремлем и Якиманкой были заметны только ближнему кругу да заезжим писателям вроде Герберштейна. Но гнев царя обрушился и на Церковь: за митрополитом Филиппом последовали и главы опричников, а за ними – архиереи и игумены-противники убитого митрополита. Начав расправу с Церковью, власть автономизировалась от общественной совести и де-факто провозгласила свою неподсудность. Далее массовый террор продолжался уже без контроля со стороны духовных властей. А это уже была фактическая тирания, когда люди боялись высказывать хоть какую-то критику в сторону царя и его окружения.

Чем же так драматичен первый массовый террор в исторической перспективе? Люди начинают терять веру в общественную справедливость и в институт власти. Уничтожая старую аристократию, власть уничтожала прослойку, способную рефлексировать. Уничтожая функцию совестливой критики власти со стороны Церкви, власть загнала протест внутрь общества и создала предпосылки для Смуты и бунтов. Страна попала в чудовищный кризис, приведший ко второму удару, предвосхитившему Раскол – Смуте.

Смута

Слово *смута* вызывает в наше время больше ассоциаций с душевным настроением человека, чем с историей российской или с политическими процессами и их цикличностью. Однако все же политический и исторический смысл слова «смута» первичен. И тем не менее впервые слово «смута» в значении «восстание, период политической и социальной анархии» появилось именно в языке XVII в. Мало кто помнит, что само это слово пришло на Русь из византийской культуры, в которой слово *τάραχος* обозначает восстание или беспорядки. Это слово так удачно привилось к культуре русской, что стало парадигматическим.

Так, например, Ю. С. Пивоваров предложил ввести понятие «смута» в качестве русского аналога слова «революция». Этот «новый шишковизм» выглядит как программа «локальной русской политологии» и исходит из идеи, что в России все настолько уникально, что вовсе не описывается в категориях мировой науки. Но Пивоваров пошел еще дальше: он считает, что в России вовсе нет революций в смысле европейском, а есть только смуты, то есть группы явлений с нарастающей энтропией и несистемностью, которые приводят к социальным сдвигам. В наших размышлениях мы не станем повторять банальных мыслей, будто беспорядок – это плохо, а упорядочение – всегда хорошо. Бывает и наоборот. И даже более того: в самых беспорядочных и смутных процессах могут зачастую рождаться весьма ценные явления и формы жизни и культуры.

В русской исторической науке понятие «смута» более или менее соответствует понятию «социальная и политическая катастрофа». Во-первых, о смуте говорят в применении к XVII в. (Смутное время), а во-вторых, в последнее время термин «смута» употребляют для описания процесса коллапса петербургской империи в результате Первой мировой войны и Февральского (а затем и большевистского) переворота. Понятно, что во втором случае это прием исторической аналогии, который призван помочь понять, что собственно произошло и как это могло случиться. Посему мы не станем подробно рассматривать второй случай, тем более, что он довольно подробно уже изучен и объяснен.

Образцовая Смута

Итак, коли идея Смуты пошла от XVII в., рассмотрим вкратце обстоятельства Великой русской Смуты, которая, собственно, и привела к церковному и народному Расколу, модернизационной программе и западному рывку России в XVIII в. Как известно, со смертью царя Ивана IV, прозванного Грозным, царский престол мог бы перейти к царевичу Дмитрию, которого воспитывали в верхневолжском городке Угличе. Однако то ли в результате несчастного случая, то ли в результате заговора, спланированного боярином Борисом Годуновым, царевич погиб. Эта смерть была настолько неожиданной и трагичной, что привела в замешательство все общество.

Встал вопрос о наследнике престола, но, как показало время, ни Федор Иванович, ни Борис Годунов, ни Федор Годунов, ни Василий Шуйский не смогли принести мир на Русь. Началась Смута, в которой были прямо заинтересованы главные тогдашние внешние соперники России – Речь Посполитая, а впоследствии и Шведское королевство.

Формирование и противостояние блоков, борющихся за европейскую гегемонию, а именно – Габсбургского (Священная Римская империя, а также Испания, Венеция, Речь Посполитая и Курляндия) и, с другой стороны, – протестантских немецких князей во главе со Шведским королевством, привело к включению России в сферу общеевропейской борьбы. Австрийцам и полякам нужен был союзник против турок и шведов, а шведам – против ляхов. Куда больше преуспели Габсбурги, хотя князя Михаил Скопин-Шуйский и Дмитрий Пожар-

ский всячески пытались укрепить русско-шведский союз. Эта борьба втянула Россию в бесконечную мировую войну и обусловила иностранную военную интервенцию на ее территорию.

На арену выступил Григорий (Юрий) Отрепьев, который выдал себя за погибшего царевича Дмитрия. Известный исследователь С. Платонов считал, что Отрепьева прямо выкормили бояре Романовы, чьим холопом он был. Так это или нет – неизвестно, но Лжедмитрий I был принят многими боярами, несмотря на то что никто из них не считал всерьез расстригу Григория Отрепьева (кем бы он ни был) настоящим царевичем. Впоследствии многие бояре так же легко приняли и польского ставленника царевича Владислава, и «Тушинского вора».

Россия стала все глубже погружаться в Смуту. С одной стороны наступали шведы, которым пришлось уступить Карелию, с другой – поляки, наконец занявшие Москву и осадившие Троице-Сергиеву лавру. С третьей прибавилась оплаченная Западом так называемая «крестьянская война Болотникова». Иван Исаев, прозванный Болотниковым, бывший холоп боярина А. А. Телятевского, получив от поляков и Михайлы Молчанова (очередного Лжедмитрия) денег и поддержку, набрал банду такой же голытьбы, как и он, и, дошедши до подмосковного острога Коломенского, начал рассылать послания с призывами «целовать крест» Лжедмитрию.

Когда Шуйский разбил, а затем и пленил Болотникова, восстание стихийно угасло, хотя и впоследствии бунтовские настроения являли себя в Медном и Соляном бунтах. Смутное время вызвало к жизни множество главарей полуразбойных воинств, вроде Илейки Корovina по прозвищу Муромец и иных. Множество плачевных событий произошли в России – и смерть патриарха Ермогена, и венчание Отрепьева с Мариной Мнишек в Кремле, и насильное насаждение униатских и прямо латинских обычаев на Москве... Только в 1612 г. ополчению Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского удалось изгнать поляков из Кремля и вообще из Москвы.

Что осталось позади?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.